

Пушкин ехал на юг. Подорожная, выписанная чиновнику 10-го класса, едущему до Тифлиса и обратно, предписывала давать ему лошадей без задержки. Следом летели распоряжения местной полиции присматривать за каждым шагом путешествующего сочинителя. Май 1829 года шелестел березками, сыпал дождями:

*Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?*

Действительно, долго ли? В конце мая ему исполнится тридцать. Позади — две ссылки и много утрат: пятеро героев 14 декабря повешены, десятки — в каторжных норах Сибири. Жаркие страсти южных поэм сменились холодным оцепенением толпы в «Борисе Годунове». Попытка устроить личное счастье не увенчалась успехом: на его предложение в доме Гончаровых ответили, что Наташа ещё молода идти под венец...

Царь, привязавший к его слову вериги двойной цензуры, видимо, ждёт, что бойкое перо недавнего михайловского затворника прославит графа Паскевича, поставленного на Кавказе вместо образованнейшего полководца, как будто поэт забыл собственные слова из «Кавказского пленника»: «Смирись, Кавказ: идёт Ермолов!»

Разве Пушкин не писал брату в 1820 году из Кишинёва, что Ермолов наполнил Кавказ «своим именем и благотворным гением...» О человеке, которого К.Ф. Рылеев в своем послании назвал «гением северных дружин», думал в Михайловском. Писал брату на Кавказ, спрашивая о знаменитом генерале, герое Отечественной войны 1812 года.

Теперь он увидит опального полководца, хотя для этого приходится делать двести вёрст лишних.

И коляска из Белёва покатила на Орёл...

Алексей Петрович Ермолов покинул Тифлис 3 мая 1827 года. В простой рогожной кибитке отправился в Орёл, где жили его родители —

отец Пётр Алексеевич и мать Мария Денисовна. Приезд знаменитого сына мог быть радостным. Да и сам генерал в августе того же года писал своему бывшему сослуживцу П.А. Кикину, тоже уволенному в отставку:

«Я здоров, живу со стариком моим в деревне, нашёл его очень слабым... Здесь я иностранец, вышедший на берега африканские. Как всё пусто и дико! Люди с состоянием живут в столицах, с умеренным прячутся по деревням, удерживаемые падшими доходами, и наш город Орёл кажется взятым штурмом ябедниками и подьячими. Невзирая на всё сие, я строю каменный двухэтажный дом в городе».

Письмо было опубликовано в ноябрьском номере «Русской старины» 1872 года.

Только в 1960 году писатель Г.П. Шторм на страницах «Известий Академии наук СССР» (отделение литературы, т. XIX, выпуск 2, с. 144—148) дополнил это письмо новыми сведениями. Оказывается, едва Алексей Петрович перешагнул порог низенького родительского дома, едва навестил Лукьянчиково, единственную деревню отца, как сразу же попал под наблюдение местной полиции.

Подполковник Жемчужников аккуратно доносил в Петербург о поведении отрешённого от дел генерала.

Появление Ермолова в Орле не могло не вызвать у горожан живейшего интереса к нему. Из донесений Жемчужникова, приведённых Г.П. Штормом, можно узнать, что когда Алексей Петрович приехал из деревни в город вторично, чтобы назначить место для постройки флигеля, дивизионный командир с офицерами приготовился было чествовать генерала, но он отказался. Не принял Ермолов и самого подполковника корпуса жандармов Жемчужникова. Принял лишь купцов да коротких знакомых отца. В задуманном флигеле, подчёркивал подполковник, генерал решил поместить свою очень богатую библиотеку.

Тогда же, в августе 1827 года, в Лукьянчиково приезжал Д.В. Давыдов, знаменитый поэт-партизан, двоюродный брат Ермолова. Родовое

имение Давыдовых находилось в Ливенском уезде Орловской губернии.

«Я был у брата Алексея, — писал Денис Васильевич своему старому приятелю А.А. Закревскому,— он не грустен, не сердит и как будто выбитый с винта, на коем он вертелся тридцать восемь лет славной службы! Кажется, однако, что начинает кой-как привыкать к безмятежной жизни, начал заниматься приведением в порядок записок своих... Там же строит он маленькую хижину для себя и для своей библиотеки. Как часто о тебе говорили и, конечно, нигде о тебе дружественнее не вспоминали, как в Тифлисе и в Лукьянчикове» (Сочинения Дениса Васильевича Давыдова, приложение к журналу «Север» за 1893 год, в 3-х томах, т. 3, с. 166).

Таким образом, генерал был занят строительством двух домов — в городе и деревне.

А.Г. Кавтарадзе в книге «Генерал А.П. Ермолов», выпущенной Приокским издательством в 1977 году, к 200-летию славного земляка, привёл слова: «При благопритствовавшем мне постоянно счастья, в мои лета, и при моих силах, мог ли я ожидать, что буду жить в праздности, в глуши деревни престарелого отца моего».

Горькие слова перекликаются с донесением Жемчужникова 1828 года: «Генерал Ермолов живёт уединенно, но иногда посещает театр, всегда в черном фраке и без орденов; так он был на балу у губернатора 31 декабря, что дало повод различным толкам; иные его осуждают, а многие и это приписывают величию его духа. Мрачный его вид, избличающий душевное беспокойство, явно противоречит хладнокровному тону, с коим он рассказывает приятности своей настоящей жизни, будто давно им желаемой...»

На некоторых моментах донесения, опубликованного Штурмом, следует остановиться. Поскольку в Орле тогда был театр С.М. Каменского, то Ермолов мог бывать именно там. Допустима возможность встречи двух генералов: оба сражались в молодости под Варшавой под командой А.В. Суворова. Известно, что потом, когда Ермолов из Орла переехал в Москву, то прослыл там большим поклонником сценического искусства. Не мог он и в Орле не заинтересоваться игрой актёров.

Правда, дела у С.М. Каменского в это время уже пошли под уклон. Деревни одна за другой уплыли из рук. Даже с Сабуровом пришлось расстаться. Одна Звягинка оставалась. Темнели и подгнивали колонны городского дома. Слуги и музыканты ходили в лохмотьях. Но занавес продолжал взвиваться. Граф в генеральском мундире, при всех орденах по-прежнему строго следил за игрой актёров. Афиши предупреждали: «Всякие аплодисменты строжайше возбраняются и могут совершаться лишь по сигналу его сиятельства, владельца театра, или его превосходительства, господина начальника губернии...»

К осени 1828 года дом в деревне был построен. Ермолов поселился в нем с сыновьями Виктором, Клавдием и Севером. Написал бывшему своему адъютанту Н. В. Шимановскому, приглашая его в гости. Обещал вместе с ним побывать в Орле, где гость может «победить какую-нибудь красавицу».

Письмо, опубликованное в третьей книге «Русского архива» за 1906 год, хотелось бы дополнить донесением наблюдательного подполковника, но кладезь Жемчужникова иссяк. Что случилось? Штурм выразил надежду, что донесения, им не обнаруженные, ещё ждут своего часа в одном из архивов. А поскольку они еще не разысканы, задержим внимание на личности подполковника.

Михаил Николаевич Жемчужников в Орел приехал из елецкой деревни Павловки, где занимался хозяйством после жарких баталий 1812 года. От полного забвения его спасли дети Алексей, Александр и Владимир, создавшие вместе с двоюродным братом А.К. Толстым бессмертного «Козьму Прутков», и Лев — художник, автор книги «Мои воспоминания из прошлого», впервые полностью изданной Ленинградским отделением издательства «Искусство» в 1971 году.

Александр Жемчужников в воспоминаниях «Подымовское дело», опубликованных в «Русском архиве» 1861 года, рассказал, что они жили с отцом недалеко от приходского училища. Упомянут секретарь консистории С.А. Попов, о котором заботился генерал Ермолов. Из других источников мы узнаём, что в 1830 году М. Н. Жемчужников уже воевал в Польше.

Был ли он в Орле в 1829 году? Если был, то где бесценные донесения той поры?

Их нет.

Зато, если верить публикации Б. Ермака и Б. Александрова в «Литературном альманахе» (Орел, 1939), то в Орле в мае 1829 года произошло удивительное событие. Оказывается, в то время, когда поэт ехал по нашему краю, во всех трёх частях города полиция сбилась с ног, разыскивая Пушкина, чтобы объявить ему сенатское решение «обязать подпискою, дабы впредь никаких своих творений без рассмотрения и пропуска цензуры не осмеливался выпускать в публику под опасением строгого по законам взыскания». Решение было принято после долгого разбирательства по поводу стихотворения «Андрей Шень», которое кандидат Московского университета А. Леопольдов переписал с пометкой «по поводу 14 дек.».

4 июня пристав 3-й части доносил, что «чиновника Александра Пушкина... по тщательному моему и квартальных надзирателей розыскам в подведомственной мне части ныне не оказалось».

Искали и не нашли. Это дало основание кое-кому предположить, что Пушкин вообще приехал к Ермолову прямо в Лукьянчиково, как Денис Давыдов.

Оригинальное предположение полностью противоречит свидетельству самого поэта.

«...Из Москвы, — читаем в «Путешествии в Арзрум», — поехал я на Калугу, Белёв и Орёл и сделал таким образом 200 верст лишних, зато увидел Ермолова. Он живёт в Орле, близ коего находится его деревня. Я приехал к нему в восемь часов утра и не застал его дома. Извозчик мой сказал мне, что Ермолов ни у кого не бывает, кроме как у отца своего, простого, набожного старика, что он не принимает одних только городских чиновников, а что всякому другому доступ свободен. Через час я снова к нему приехал».

Дом отца и ныне можно увидеть на берегу Оки за городским парком. На стене — мемориальная доска. Могла бы там состояться встреча генерала и поэта? Приведённые строки ясно говорят, что Алексей Петрович и Петр Алексеевич жили в разных домах. Полководец

бывал у отца, значит, ходил к нему. Если бы они жили под одной крышей в Орле, то зачем тогда «бывать»? Да и вряд ли можно было поместить под одну крышу с отцом генерала с сыновьями и с богатой библиотекой. Кроме того, в Орле, часто горевшем, опасно было держать книги в деревянном доме. Понятна забота Ермолова о доме каменном, двухэтажном. Вот там и должны были они встретиться.

Этот дом, как утверждает книга «Здесь жил Пушкин», изданная в Ленинграде в 1963 году, стоял на Борисоглебской улице (ныне ул. Салтыкова-Щедрина), на берегу Орлика. Сторонники этого адреса ссылались на свидетельство краеведа В.Н. Ляскового, получившего ценные сведения от Н. П. Киреевской, хорошо знавшей Пушкина...

Газета «Орловский край» 16 декабря 1916 года утверждала, что по дороге на Орёл поэт заехал в Большую Чернь к Плещеевым и там прогостил несколько дней, о чём сохранилось много семейных преданий. С Петром Александровичем, хозяином имения, Пушкин мог быть знаком по Петербургу, поскольку тот учился в Благородном пансионе вместе с братом поэта Львом. Хорошо знал поэт по «Арзамасу» также отца хозяина, композитора и драматурга Александра Алексеевича Плещеева.

К числу орловских преданий относят и то, что было записано от старожила Малоархангельска в 1882 году, а в 1890 году опубликовано в «Русской старине».

Пушкин приехал в Малоархангельск поздно вечером и, сильно утомленный дорогою, заночевал на постоялом дворе. Власти, узнав о его приезде, «провели ночь тревожно, в ожидании, быть может, ревизии». Рано утром чиновники во главе с городничим, в парадных мундирах, при орденах, «сочли своей обязанностью, по долгу службы и присяги, явиться на постоялый двор и представиться А.С. Пушкину, как начальству: не будет ли каких-либо приказаний».

Они вошли в переднюю и представились сначала слуге. Тот сказал, что «барин его почивает, а когда проснётся — неизвестно, должно быть, нескоро, потому что сильно утомлён дорогою». Чиновники, сидя в передней, стали ждать.

«Услышав за стеною, в некотором роде, «щёпот, робкое дыхание», поэт обратился за объяснениями к своему человеку, а тот доложил ему всё подробно.

— Гони их в шею дураков! — закричал, неизвестно с чего рассердившийся Пушкин своему человеку, к неопisanному удивлению и еще большему ужасу малоархангельских властей, явно расслышавших грозный окрик и, так сказать, во исполнение его, мгновенно исчезнувших с постоянного двора.

Но когда первый страх прошёл и когда Пушкин, напившись чаю, уехал из города без всяких последствий, малоархангельские власти не знали, куда деваться от радости, и поздравляли друг друга если с не вполне благосклонным приемом их Пушкиным, то с вполне благополучными проводами столь знаменитой и начальственной особы».

Писатель-орловец А.В. Германов, рассказав об этом в статье «Пушкин на Орловщине» («Орловский альманах», Орёл, 1949, с. 179—180), писал: «Если действительно подобное происшествие было в Малоархангельске с Пушкиным, то возникает вопрос — не явился ли этот случай темой, подсказанной им Н.В. Гоголю для будущей комедии “Ревизор”?».

В наши дни в память об этом предании в Малоархангельске был открыт памятник великому поэту — дар родному городу местного учителя, талантливого скульптора Ивана Алексеевича Семеновского. Чуть откинув голову, приподняв цилиндр, поэт как бы замер в удивительном мгновении, созвучном его словам:

*Здравствуй, племя
Младое, незнакомое!*

Наверное, таким он был восторженно-радостным, когда входил в дом А.П. Ермолова 5 мая 1829 года.

2

«Ермолов принял меня с обыкновенной своей любезностью. С первого взгляда я не нашёл в нем ни малейшего сходства с его портретами, писанными обыкновенно профилем. Лицо круглое, огненные, серые глаза, седые волосы дыбом. Голова тигра на Геркулесовом торсе. Улыбка

неприятная, потому что неестественна. Когда же он задумывается и хмурится, то он становится прекрасен и разительно напоминает поэтический портрет, писанный Довом. Он был в зелёном черкесском чекмене. На стенах его кабинета висели шашки и кинжалы, памятники его владычества на Кавказе».

Поэт заметил, что полководец, «по-видимому, нетерпеливо сносит своё бездействие». О Паскевиче говорил Ермолов язвительно, называя его, графа Эриванского, графом Ерихонским. Военные успехи своего преемника Алексей Петрович насмешливо сравнивал с победами библейского Навина, «перед которыми стены падали от трубного звука». Устами генерала Ермолова Пушкин развенчивал того, кого он должен был прославлять, как того ожидал царь.

«Пускай нападёт он, — говорил Ермолов о Паскевиче, — на пашу, не умного, не искусного, но только упрямого, например, на пашу, начальствовавшего в Шумле, — и Паскевич пропал».

Пропал Паскевич в глазах читателей вместе с военной политикой душиателя декабристов. Гибель уготовил всемогущий автор «Путешествия в Арзрум». Встреча в Орле имеет глубокий смысл в понимании идеи очерка. Если бы поэт своими словами развенчал военного, удар бы не был таким значительным. Он же избрал средство более надёжное: о Паскевиче говорил самый в ту пору авторитетный военный специалист.

«Думаю, что он пишет или хочет писать свои записки», — читаем у Пушкина.

Загадочная строка. Почему к такому выводу пришёл поэт? Уж не показывал ли Ермолов кое-что из написанного? Ведь о записках уже в августе 1827 года писал Д. В. Давыдов. За два года энергичный генерал мог бы многое написать.

От записок Пушкин естественно переходит к главному труду Н.М. Карамзина: «Он недоволен Историей Карамзина; он желал бы, чтобы пламенное перо изобразило переход русского народа из ничтожества к славе и могуществу».

Затем разговор переключился на записки Курбского, от них, что вполне логично, перешёл к современным порядкам, к засилью немцев в армии.

«О правительстве и политике не было ни слова», — эта строка явно рассчитана на цензуру. От темы о Курбском, осудившем казни Ивана Грозного, легко было перейти к словам о расправе над декабристами. Засилье немцев было частью политики царского правительства. Грибоедов, упомянутый только в том плане, что от его стихов, по словам Ермолова, «скулы болят», не мог не вызвать рассуждений о его судьбе.

Описание свидания с Ермоловым, как известно, в первой публикации «Путешествия в Арзрум» было обозначено многоточием. Теперь мы, располагая находками Г.П. Шторма в Центральном архиве древних актов, в частности, записью, сделанной под диктовку Ермолова и заверенной им, можем утверждать, что Пушкин был у генерала три раза, что первые слова, которые он сказал, войдя в дом полководца, это: «Мне стыдно бы было б, если б я по дороге в Кавказскую армию не повидался с Ермоловым». Когда же речь зашла о Карамзине, то Пушкин, по свидетельству Ермолова, заявил: «Меня удивляет его добродушие и простосердечие: говоря о зверствах Иоанна Грозного, он так ужасается, так удивляется, как будто такие дела и поныне не составляют самого обыкновенного занятия наших царей».

Шторм привёл слова Ермолова из письма Д.В. Давыдова к П. А. Вяземскому: «Был у меня Пушкин. Я в первый раз видел его и, как можешь себе вообразить, смотрел на него с живейшим любопытством. В первый раз не знакомятся коротко, но какая власть высокого таланта! Я нашёл в себе чувство, кроме невольного уважения».

Пушкин Ермолову читал свои стихи! К этому выводу пришёл Г.П. Шторм, исследуя архивные документы. На основании неопубликованной редакции «Записок» Дениса Давыдова исследователь сделал ещё один вывод: поэт жил в нашем городе два дня.

Встреча с полководцем была сильным впечатлением Пушкина. Из Тифлиса он написал Ф.И. Толстому, что Ермолов «был до крайности мил». Сохранился черновик письма 1833 года: Пушкин писал Ермолову, утверждал, что его

слава принадлежит России, просил чести быть издателем его записок или историком. Письмо стало эпиграфом к историческому роману Олега Михайлова «Генерал Ермолов», выпущенному Военным издательством в 1983 году.

В 1831 году А.П. Ермолов переехал из Орла в Москву. Жил на Пречистенском (ныне Гоголевском) бульваре, в скромном деревянном доме. Однажды у героя Кавказа побывал в гостях П.И. Бартенев, будущий издатель «Русского архива». Гость заметил Алексею Петровичу, что его беседа в Орле с Пушкиным, конечно, была занимательна.

— Очень, очень и очень! — ответил «с одушевлением» Ермолов.

И ещё добавил, что принимал поэта «со всем должным ему уважением».

Тогда же полководец, по словам Бартенева, сказал ставшую крылатой фразу, что «поэты суть гордость нации».

Человек, которому обязан Орёл приездом Пушкина, скончался на Пречистенке 11 апреля 1861 года. Гроб установили на артиллерийский лафет и в сопровождении гренадеров Несвижского полка повезли в Орёл. 15 апреля «Орловские губернские ведомости» поместили некролог, вспомнив время, когда, по словам М. Ю. Лермонтова,

*...И испытанный трудами
Бури боевой,
Их ведёт, грозя очами,
Генерал седой.*

16 апреля гроб с телом генерала прибыл в Орёл. По желанию жителей был установлен в Крестовоздвиженской церкви. 18 апреля шёл дождь со снегом, но люди толпами шли и шли проститься с полководцем. Похоронили его на Троицком кладбище, в церкви, рядом с отцом, умершим в 1832 году. Чугунная граната со вставленной под круглым стеклянным шаром лампадой была ему первым памятником. Славянскими буквами было написано бронзой на граните: «Служащие на Гунибе кавказские солдаты». Ныне полководец смотрит с барельефного портрета таким, каким его увидел А.С. Пушкин.

Василий КАТАНОВ.

*(Из книги: Царский венец,
— Орёл: Вешние воды, 1999)*